

Тот человек не выразил радости, которую должен был чувствовать, наоборот, вместо этого лицо у него помрачнело.

- Ци Цзин, ты ведь не придумываешь предлоги, чтобы увильнуть, правда?

В этот момент Ци Цзин взглянул на него, и презрение в его глазах должно было нанести тяжелый удар по амбициозной натуре того человека. Затем он вдруг скривил губы в ухмылке.

- Мне неудобно двигаться, и у меня при себе нет телефона - может, ты боишься, что я пробью дыру в стене для того, чтобы сбежать? Ты чересчур высоко ценишь мои способности, или ты так не уверен в себе?

Последнее замечание было решающим.

В характере того человека было действовать резко, когда он сталкивался с сопротивлением, но в то же время он проявлял снисходительность, когда ему уступали. Ци Цзин, казалось, потерял свой предыдущий напор, так что тому человеку не нужно было делать ничего, что могло бы причинить им обоим вред.

То, что он столкнулся с Ци Цзином, стало для него неожиданностью, а то, что Ци Цзин его презирал - еще большим сюрпризом. И этого скопления неожиданностей оказалось достаточно, чтобы пробудить в нем желание завоевывать и побеждать.

- Что ж, давай, - причин беспокоиться не было; так или иначе, времени у них было полно. Кроме того, если он будет слишком сильно давить на Ци Цзина, это не принесет ему никакой пользы.

- Я больше удивлен тому, как ты изменился... Ты больше не чувствуешь отвращения к мужскому телу? - в этот момент Ци Цзин снова засмеялся, но на его лице не отражалось ни холода, ни тепла.

Тот человек застыл.

Хотя некоторое время назад в университете он был в отношениях с Ци Цзином, к мужскому телу тот человек и в самом деле испытывал отвращение. Каждый раз, когда они были вместе, он избегал касаться любой части, которая напомнила бы ему, что его партнер - мужчина. Он мог чувствовать себя хорошо только когда закрывал глаза и представлял, что прикасается к женщине. Из любопытства он пару раз посмотрел гей-порно, но его стошнило еще до того, как видео закончилось.

Значит - думал он про себя - он все еще может считаться нормальным мужиком; то, что он делал, было чем-то поверхностным, тем, что можно свести к простому телесному контакту, а значит, это нельзя рассматривать как «ненормальное».

К счастью, Ци Цзин был из тех, кто довольствуется малым. Тогда тот человек мог обойтись объятиями раз в пару дней и, когда был в хорошем настроении, считал не вредным время от времени его поцеловать. Кроме того, глядя, как этот парень прикрывает свои покрасневшие уши, он чувствовал внутри некое самодовольство.

Но теперь Ци Цзин, который стоял перед ним, прежним не был – он был подобен глыбе льда. И все же тот человек твердо верил, что, сорвав с него это притворство, внутри он обнаружит все того же наивного и мягкого Ци Цзина – такого, которым он мог легко вертеть, как куклой на ладони.

- Люди могут измениться, – вот так тот человек объяснил перемену своего настроения.

После всех этих лет брака настало время для зуда седьмого года\*. С момента рождения ребенка жена стала уделять ему меньше внимания, и ему, как и некоторым коллегам-мужчинам, семейная жизнь стала казаться слишком однообразной и даже утомительной. Так что он в итоге не выдержал и дал волю своему воображению. [Прим. пер. «Зуд седьмого года» – распространенное представление о том, что к седьмому году брака в отношениях наступает кризис. Фраза стала популярной после фильма 1955 года с Мэрилин Монро и Томом Юэллом в главных ролях.]

Возможно, настало время поискать что-нибудь новенькое, какой-нибудь свежий стимул.

Ци Цзин промолчал, но услышав это, он медленно повторил фразу с неопределенной усмешкой на лице:

- Действительно, кажется, что люди меняются.

- Конечно, это потому, что мы сейчас говорим о тебе. Ты – другой, – торопливо добавил тот человек. Он не мог понять, что скрывалось за выражением лица Ци Цзина, но не забыл сказать что-нибудь эдакое, что, по его мнению, было бы вполне умным, могло польстить собеседнику и одновременно скрыть его собственные мысли. Неважно – в прошлом или настоящем – он никогда не скупился на лесть.

Ци Цзин не ответил, только холодно отдернул руку. Тот человек какое-то мгновение колебался, но затем медленно отпустил его. Под его бдительным взглядом Ци Цзин прошел к входу в ванную и бесстрастно захлопнул за собой дверь.

Как только дверь закрылась, первым порывом Ци Цзина было нажать кнопку на дверной ручке и запереться внутри от человека, который остался в комнате. Нажав ее, он резко прижался к двери и глубоко вдохнул воздух, будто собираясь погрузиться под воду. Он даже не знал, было ли это из-за ярости или какого-нибудь другого чувства – но его пальцы не переставали дрожать. Силой заставив себя поддерживать ясность ума, он быстро повернул ручку позади себя, чтобы убедиться в том, что замок надежно защелкнул. Только после этого Ци Цзин пошатываясь, сделал несколько шагов вперед и устало сел на край ванны.

- Хе-хе-хе, - он не знал, почему смеялся, и почему смеялся таким ужасным голосом - тоже.

Он удрученно повесил голову и уставился в пол. Эта холодная белая керамическая плитка напомнила ему о множестве вещей из прошлого.

Например, о белом платье невесты на свадьбе. Он все еще помнил каждое слово из своей поздравительной речи, эту безмятежную и счастливую улыбку той женщины. Она была хороша, слишком хороша для того человека.

Или, например, о пустоте палаты, в которой он оказался после аварии. Теперь в его горле стоял точно такой же комок, как тогда, когда он ел рис в больнице - и каждый глоток был болезненным и мучительным. Он чувствовал, как его желудок скручивает, чувствовал сосущую пустоту, но есть ему не хотелось - скорее он ощущал позывы к рвоте.

Не то чтобы он находился на пороге смерти, но перед его глазами проносились вспышки воспоминаний, подтверждая, что прошлое вдруг стало совершенно бессмысленным.

Или, может быть... можно было и правда сказать, что он умер.

По крайней мере что-то внутри него точно было похоронено. Но несмотря на мрачность этих «похорон», Ци Цзин был рад, что наконец-то смог освободиться. Слава богу, что до этого дня в нем оставалась в живых лишь малая частица бывшего доверия к тому человеку - человеку, который относился к доверию Ци Цзина как к мусору.

Ци Цзин медленно поднял голову и посмотрел в огромное зеркало, висевшее в ванной комнате. Цвет лица у него был пепельно-серым - и он был таким вовсе не из-за яркого света лампы. Удивительно, как тот человек мог держать в голове распутные мысли, глядя на такое ужасное лицо. Ци Цзин издал холодный, глумливый смешок - он смеялся не только над тем человеком, но и над собой. Затем уголки рта у него снова опустились, и Ци Цзин вернулся к своему прежнему апатичному состоянию.

Он посмотрел на часы. Было уже больше семи вечера.

Он находился в там, где у него и правда не было никакой возможности проделать дыру в стене и сбежать, но тот человек расслабился и позволил ему запереться в ванной, чтобы выждать нужный момент.

Время от времени Ци Цзин слышал, как тот человек рассказывает по комнате; терпение у него понемногу истощалось.

Ци Цзин прождал по меньшей мере минут десять, прежде чем открыл кран и пустил воду течь из душа, чтобы тот человек ничего не заподозрил. В мгновение ока ванная наполнилась шумом текущей воды.

Вытяжка была включена.

Со своего места он мог чувствовать ледяной воздух, который просачивался из-под двери и проскальзывал в штанины брюк. По ногам поднимался легкий холодок, в то время как спину атаковал горячий пар из душа. Чувствуя с одной стороны холод, а с другой – жар, Ци Цзин вцепился в воротник рубашки, ссутулился и свернулся калачиком, словно улитка, посыпанная солью.

Прошло уже много времени с тех пор, когда он в последний раз ощущал, как руки и ноги холодеют из-за низкого уровня сахара в крови. Это случалось с ним только в те дни, когда он вел беспорядочный образ жизни и работал как сумасшедший. Он ни разу не испытывал этого с тех пор, как начал жить вместе с Шень Янем. Шень Янь готовил для него восхитительную горячую пищу и нежно улыбался, глядя как он поедает мягкий разбухший рис.

Еда, должно быть, уже остыла...

- Я хочу ее съесть, даже холодную... -

Раньше он не пролил ни единой слезинки, хотя его сердце стало похоже на остывший пепел, но как только Ци Цзин подумал об еде, которую приготовил Шень Янь, то больше не смог подавлять свои чувства и сдерживать то, что текло из его глаз. Он закусил губу так, что она побелела, его голос дрожал:

- Шень Янь, я хочу есть...

Тук. Тук.

В этот момент Ци Цзин вдруг услышал стук в дверь номера, донесшийся до него из-за двери ванной комнаты.

В шоке он задержал дыхание. Неосознанно он бросил взгляд на часы – прошло менее пятнадцати минут с того момента, как он зашел в ванную.

Невозможно. Слишком быстро. Это невозможно.

Даже если разум твердил ему это, Ци Цзин не мог не почувствовать, как у него быстрее забилось сердце, когда он встал с края ванны.

Мужчина в комнате тоже не ожидал того, что кто-то постучит в дверь. Совесть у него была нечиста, и он встревоженно крикнул:

- Кто? Кто там?

Ци Цзин торопливо подскочил к двери ванной и прижался ухом к ее поверхности, сосредоточившись на том, что происходило снаружи. В этот момент оттуда послышался старческий голос:

- Открой дверь, я забыл забрать свои вещи...

Услышав, что снаружи стоит пожилой человек, тот человек немного расслабился. Вероятно, это был постоялец отеля с того же этажа, который перепутал комнаты. Недолго думая, мужчина крикнул в ответ:

- Уважаемый, это не ваша комната, вы ошиблись дверью!

Он посмотрел в глазок. Похоже, тот был чем-то заблокирован: было так темно, что он ничего не смог увидеть. Но мужчине было все равно – он только хотел, чтобы другой человек поскорей ушел и не тревожил больше соседей.

- А? – и да, он больше всего ненавидел этот старческий тон, которым так часто говорили пожилые люди.

- Вы\* ошиблись дверью. [Прим. англ. пер. Здесь уважительное «вы».]

- Я тебя не слышу, – у старика не только зрение повредилось от возраста, но и слух не был слишком хорош.

- Я сказал, вы пришли не в то место! Это не ваша комната, ваших вещей тут нет! – мужчина нахмурился и повысил голос.

- Я тебя не слышу, – старик не только по-прежнему повторял эту фразу, но и стучал в дверь все громче.

- Тц, – мужчина взглянул на дверь ванной, которая была по-прежнему плотно закрыта, и подумал, что слабый старикашка, который даже говорить не может без дрожи в голосе, не представляет для него никакой опасности.

Мужчина сдвинулся с места и положил руку на ручку двери. При этом он сердито заговорил:

- Уважаемый, почему вы...

В тот момент, когда он слегка приоткрыл дверь, снаружи ее резко толкнули, и от этого толчка он повалился назад. Потрясенный, он изо всех сил старался удержать равновесие и не упасть. Но как только он попытался поднять голову, его схватили за запястье – ему было так больно, что он рефлекторно дернул руку вверх, но не ожидал, что сустав на его локте будет крепко

пережат. Его сухожилие удерживали очень точно, контролируя силу одной рукой.

Это было одно из самых слабых мест человеческого тела.

В этот момент руку того человека пронзила невыносимая боль – он не выдержал и закричал, но в следующую же секунду эту руку заломили ему за спину, и в итоге он с глухим стуком упал на колени.

– Я сказал, что здесь есть кое-что, что принадлежит мне, и я пришел его забрать, – в комнате раздался молодой голос, совершенно не похожий на голос старика, звучавший минуту назад. В этом тяжелом голосе были слышны нотки гнева.

– Ты меня не слышал?

Мужчина внезапно понял, о чем тот говорит.

– Ты... – еще до того, как он успел закончить фразу, его резко и сильно ударили по шее. В глазах у него потемнело, и он потерял сознание. [Прим. англ. пер. Если ударить человека сбоку по шее в районе сонной артерии, то можно попасть по блуждающему нерву. Удар по этому нерву вызывает головокружение и возможную потерю сознания.]

Врач в конце концов всегда остается врачом – сила, которую он применяет, точно рассчитана так, чтобы не причинить ненужного вреда. Шень Янь, хватая ртом воздух, отпустил сустав этого человека и медленно выпрямил спину.

– Ци Цзин?

В комнате стояла тишина, которую нарушал только нечеткий звук текущей воды.

– Ци Цзин, – Шень Янь снова мягко произнес это имя, – теперь все в порядке... ты можешь выходить.

В этот момент дверь ванной комнаты со скрипом приоткрылась. Сначала это была только щель, прошло несколько секунд, прежде чем изнутри медленно вышел человек. От лампы в ванной комнате на его лице лежал резкий контраст света и тени. Он выглядел немного бледно и оцепенело уставился на человека, лежавшего на полу, мрачным взглядом.

– Он умер? – даже когда он задал такой вопрос, его лицо осталось застывшим.

– Он только без сознания, – Шень Янь был немного ошеломлен и, прежде чем он успел сказать еще хоть слово, Ци Цзин вдруг протянул руку и попытался ощупать пространство между ними, словно слепой, который искал дорогу. Когда он наконец-то нащупал руку Шень Яня, то

отчаянно схватился за нее, как утопающий за последнюю плавучую деревяшку в бескрайнем океане.

А потом он засмеялся.

- Ха... ха-ха, - голос Ци Цзина необыкновенно дрожал, было ясно, что он изо всех сил пытается сдержать свои чувства. - Если так, то хорошо... Если он умрет, то у тебя будут неприятности, он этого не стоит...

Сказав это, Ци Цзин замер. А затем рука, вцепившаяся в Шень Яня, внезапно его отпустила.

- Я тоже тебя обременял, - произнес он. - Я тоже этого не стою.

Сказав это, он дважды неуверенно шагнул вперед с пустым выражением на лице.

Он не знал, куда идти.

Наверное, туда, где лежат самые темные и самые глубокие тени, вот куда он должен отправиться - он хотел спрятаться там, в том месте, где Шень Янь его не найдет.

Когда он сделал третий шаг, его внезапно обхватила пара рук, втягивая в безопасные объятия.

- Ци Цзин, - позади него раздался хриплый голос. Его спина была теплой, такой теплой, что было больно, хотелось заплакать и избавиться от всего этого. - Успокойся... Поехали домой.

- Угу, - сдержанно ответил он, задыхаясь от эмоций. Слезы, которые стали такими же теплыми, как обычно, скатились с его лица на тыльную сторону ладони Шень Яня и просочились сквозь их переплетенные пальцы. Горечь этих слез соединяла их обоих в единое целое.

Будто бы он получил своего рода освобождение.

Ци Цзин на самом деле хотел и дальше стоять в этих объятиях вот так, но из-за человека на полу не смог вынести и мысли о том, чтобы остаться здесь хотя бы еще на секунду. Так что он подавил эмоции и заставил себя подобрать все свои вещи. Уходя, Ци Цзин даже ни разу не взглянул на того мужчину, будто бы один-единственный взгляд мог вызвать у него отвращение. Он только вцепился мертвой хваткой в край одежды Шень Яня и тащил его на выход до тех пор, пока они не оставили эту удушливую комнату далеко позади.

Они не воспользовались лифтом, а ушли по пожарной лестнице; света там практически не было. За коридорной дверью было совершенно темно, они даже почти не видели ступенек.

Шень Янь спустился на две ступеньки вперед и развернулся, чтобы поддержать Ци Цзина. Но тот в ступоре замер. Силы в ногах хватило только на то, чтобы вытащить его из этого места. После того, как они так далеко ушли, он больше не мог поднять ногу, не мог сделать еще шаг, не мог двинуться ни вперед, ни назад. Он мог только крепко сжать руку Шень Яня и не отпускать ее больше.

Шень Янь знал, что стресс, в котором пребывал Ци Цзин, все еще не прошел. Он сделал шаг назад, не стал настаивать на том, чтобы уйти оттуда, а только молча обнял его в темноте.

- Не можешь идти дальше - давай немного постоим.

Ци Цзин отреагировал на его слова только спустя долгое время. Его пальцы, дрожа, ощупали плечо Шень Яня прежде, чем он положил туда голову. Дыхание у него было прерывистым.

Шень Янь больше ничего не говорил. Он лишь наклонился поближе, чтобы утешить Ци Цзина, но больше не сделал ни одного движения.

Только после долгого молчания человек в его объятиях произнес два слова:

- Мой бывший.

Шень Янь застыл.

Если честно, он более или менее догадался, что произошло, так что даже если бы Ци Цзин не стал об этом говорить, все было бы хорошо. Но тон Ци Цзина был очень серьезным и решительным, так что Шень Янь произнес только «Мм» в ответ, оставаясь в том же положении.

Голос Ци Цзина снова замер.

Но Шень Янь почувствовал, что колени того слегка шевельнулись, а тело подалось вперед, сжимая его крепче в объятиях.

- Шень Янь.

- Ммм.

- Шень Янь, ты здесь?.. - даже если тот был так близко, Ци Цзин все равно скованно, в оцепенении задал этот вопрос.

- Ммм. Я пришел. Я здесь. - каждый раз Шень Янь давал ему успокаивающий тревогу ответ, хотя голос у него уже слегка охрип. Ци Цзин произносил эти фразы спорадически, без всякой

логики, так что невозможно было сказать, находился ли он в ясном уме.

- Я думал... тебе на это потребуется гораздо больше времени, - в момент, когда Ци Цзин услышал стук в дверь, его сердце почти остановилось от волнения.

- Я забеспокоился уже тогда, когда ты не ответил на мой второй звонок, поэтому был уже в пути. На самом деле, когда я звонил в последний раз, то находился уже у входа на телестанцию.

Так вот как оно было.

Ци Цзин слабо засмеялся. Он продолжал смеяться до тех пор, пока не смог больше выдать из себя ни звука. Положив голову на плечо Шень Яня, он все еще бесконтрольно дрожал.

- Я знаю его жену.

Это была тема, которую нужно было поднять, которую необходимо было поднять для того, чтобы потом забыть о ней раз и навсегда.

- Она девушка из очень хорошей семьи. Она очень красивая, и человек хороший. Раньше я и тот человек познакомились с ней в университете... Она выглядела так невинно, так замечательно, когда смеялась. Она даже дошла до того, что уволилась с работы, чтобы родить ему ребенка и правильно его растить. Они поженились вскоре после выпуска, и, как ни странно, тот человек заставил меня стать распорядителем церемонии на их свадьбе... Я подумал, что даже если он не относился бережно ко мне, он, по крайней мере, мог нежно любить эту хорошую девушку. Я действительно, честно... думал так все это время до сего дня.

В этот момент у Ци Цзина перехватило дыхание, и он судорожно вздохнул несколько раз, прежде чем смог взять себя в руки и продолжить.

- Я знаю его родителей, - сказал он. - Я много раз с ними встречался во время подготовки к свадьбе. Они оба хорошие люди. Его мать всегда улыбалась. Она любила делать людям комплименты. Когда бы я не встречался с ней, исполняя свою роль церемониймейстера, она хвалила меня за рассудительность, вежливость и все такое. Глядя, как ее сын женится, она даже пыталась организовать для меня свидания...

Он не знал, как открыть правду этим людям.

Он не знал, как заговорить об этом так, чтобы не причинить никому боли, потому что как только бы он открыл рот, это, несомненно, причинило бы боль.

Семья, жена, ребенок, добрые и понимающие родители.

Тот человек обладал всем, чего у него не было и быть не могло.

Но тот человек этим не дорожил, в то время как он сам принимал все близко к сердцу. И в конце концов все это превратилось в плохую шутку.

- Я такой дурак, - рассказ подходил к своему концу, и каждое сказанное Ци Цзином слово с трудом протискивалось сквозь сжатые зубы. Он в отчаянии засмеялся.

- Я думал, что у людей такого сорта есть, по крайней мере, немного совести и верности, к которым можно было бы обратиться.

- Ты достаточно это терпел, - в этот момент Шень Янь прервал его самообвинения, - в любом случае, сам факт того, что ты его не выдал, - величайшее снисхождение. Этого уже довольно.

Тот человек заслуживал гораздо более сурового наказания, не только того, чтобы его просто вырубали.

Но тем не менее, тот человек знал, кто такой Ци Цзин и откуда он.

После короткой паузы голос Шень Яня стал еще тяжелее.

- С моей стороны, должно быть, эгоистично говорить такое... но тебе следует больше думать о себе, а не о семье этого человека.

Он немного приподнял голову Ци Цзина, прижался к его лбу своим и пробормотал:

- Если ты думаешь, что у тебя нет семьи, которая заботилась бы о тебе, прими меня как свою семью...

<http://bllate.org/book/13906/1225600>